

✓ - 2 ОКТ 1978

НА МАЧТАХ ТЕАТРАЛЬНОГО КОРАБЛЯ...

Что такое театр перед началом сезона? Это буря в ватсах, это тревоги и надежды.

Каждый творческий коллектив стремится занять в новом сезоне очередные высоты. И особенно важно начало — оно скажет любителям театра, чего можно ожидать от него в творческом году. Вот отсюда и волнение.

Липецкий драматический встречает новый сезон обновленным режиссурой. Ее теперь составляют, говоря условно, представители трех поколений. Три новых режиссера ставят три новых спектакля.

«Буря в ватсах» — это, прежде всего, о производственных подразделениях театра — цехах: декорационном, костюмерном, реквизиторском, бутафорском, гримерном. Надо успеть, хоть работа небывало велика.

Заведующая постановочной частью Г. Н. Божова говорит, что оформление спектаклей всем пришлось по душе. Поэтому работает интереснее. Уже полностью закончена постановочная часть второго спектакля «Эй ты, здравствуй!». А вот с первым «Точка опоры» чуть труднее: предстоит изготовить «заводские фермы», сделать помост-пандус — словом, тут крупномасштабные конструкции. Художник этого спектакля Юрий Анатольевич Цветницкий зарисовал их в цехах липецких заводов. Выдалим один постановочный секрет: в цехах же, за стайками снимали на киноплёнку некоторых действующих лиц спектакля — эта «кинохроника» будет показана в процессе действия.

Мы сказали «производственные подразделения». Но здесь производство далеко от конвейера с его повторяющимися операциями: каждый новый спектакль может вызвать и новую технологию изготовления сценических объектов, и новый подход к конструированию. Далеко не все из материалов достаются в магазинах. И даже «удары по базам» не помогают. Да еще мало уложиться в смету!

И бывают смешные вещи: для спектакля «Эй ты, здравствуй!» было решено «добыть» рыбацкие сети у... браконьеров — через органы рыбоохраны. Но ненадежное дело! То ли попадется браконьер, то ли не попадется? И, махнув на рыб-лякшину, старший бутафор Валентина Всеволодовна Дмитриева сама изготовила 12 больших сетей. Но не сделала, а, скорее, склела.

В тот день художественный совет еще принимал макет декорации третьего спектакля «Старший сын». На ярко освещенной миниатюрной, меньше квадратного метра, сцене грушечно-маленькие деревья, скамейки, качели — словом, двор. Над этим работает художник-постановщик Алексей Дмитриевич Нестеров. Тут еще, конечно, будут споры, уточнения деталей, кое-какие переделки. Потом, когда дадут окончательное «добро», в цехах начнется «штурм» по третьему спектаклю.

Где не может быть никакого вранья, так это на репетициях: служенье муз, как говорится, не терпит суеты. Но ватсах есть и здесь. Его, так сказать, осуществляют режиссер и собственная актерская неудовлетворенность собой.

Когда мы зашли в зрительный зал на репетицию к главному режиссеру театра Евгению Васильевичу Митскому,

постановщику спектакля «Точка опоры», он обращался к артисту Борису Полову со страшной, казалось бы, просьбой:

— Я вас очень прошу: отчитайте его хорошенько!

И указал на артиста Юрия Репина. «Председатель завкома» принялся выговаривать «передовому фрезеровщику», а режиссер энергично его подбадривал, азартно крича:

— Так его! Во-во, отличню!

И тут же велел «прогнать» сцену еще раз. А потом еще раз и еще.

А следующую сцену в кабинете директора завода с участием заслуженного артиста РСФСР Михаила Никифоровича Соболева, артистов Михаила Семеновича Ильина и Павла Васильевича Тамушева «строгали», «пильли», «шлифовали», а, «отшлифовав», вновь принялись «строгать». Казалось бы, чего проще показать, как недоволен директор? Съезди, скажем, на любой завод, посмотри и изображай! Так ведь и ездили, и на заводах были. Но ведь искусство — это не простой перенос жизни на сцену! И потому морщится режиссер и ищет для актеров новые и новые детали, которые помогли бы им почувствовать себя «в характере»... А когда, наконец, получилось, как приятно было видеть довольного постановщика!

Второй по шкале поколений режиссер Борис Голубицкий в общем-то еще довольно молодой, но и в то же время достаточно опытный человек. У него мы смотрели репетицию спектакля «Старший сын». Она шла еще в репетиционном зале. Как уже говорилось, оформление еще не готово, приходится пока импровизировать: на старый бутафорский стол поставили стул, на нем актриса Светлана Дмитриевна Лисовская с трянзастором в руках. Она пертит им, он сбивается с воли, и то играет громко, то тихо, как бы передавая настроенье героини. Выходит молодой актер Владимир Щельцов — идет сцена объяснения.

Темпераментный режиссер бегаёт вокруг них, как хоккейный судья на поле в жаркую минуту, и кричит, как болельщик, если уж продолжать это спортивное сравнение. Идет упорный, и вместе с тем, веселый поиск нюансов, неожиданных, остроумных деталей. И со стороны зрителя — работает с интересом.

У самого молодого режиссера, выпускника Ленинградского института театра, музыки и кинематографии Юрия Котова была в тот день не репетиция, а строгое в смысле слова, а обсуждение вчерашнего прогона спектакля на сцене. «Эй ты, здравствуй!» — пойдет вторым спектаклем. Пьеса молодежная, задорная, о чем можно судить уже по задирному названию. В ней всего 4 действующих лица. В ролях — Светлана Гайтан, Анатолий Гаранин, Владимир Нестеров и новая актриса Наталья Мазед. Одним словом, все тут молодое — я герой, и актеры, и режиссер. И, являясь думать, что они поймут друг друга, и, будем надеяться, что их поймет такой же молодой зритель.

Вот-вот буря кончится. На мачтах театрального корабля поднимают паруса. Ни пуха, ни пера, или, как говорят моряки, семь футов под килем!

А. ВОЛНИИ.